

РУССКИЕ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
И ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ФИНЛЯНДИИ:
ОТ РОМАНТИЧЕСКОЙ ИДИЛЛИИ
К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ

МАРИНА ВИТУХНОВСКАЯ-КАУППАЛА

Великое княжество Финляндское было присоединено к Российской империи по условиям Фридрихсгамского мира 5 (17) сентября 1809 г. Однако массовое знакомство русских с этим мало им ведомым дотоле, хотя и близким краем началось несколько раньше — 9 февраля 1808 г., когда с началом войны русские войска под командованием генерала Буксгевдена пересекли шведскую границу, и солдаты и офицеры русской армии оказались первыми «туристами поневоле» в Финляндии. Судя по некоторым фрагментам писем, они не всегда были в восторге от страны, встретившей их морозами и весьма скудными бытовыми условиями. Константин Батюшков, участвовавший в кампании, писал например: «Здесь так холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразие. Скука стелется по снегам, а без затей сказать, так грустно в сей дикой, бесплодной пустыне без книг, без общества и часто без вина, что мы среды с воскресеньем различить не умеем»¹. Или: «Право, сердце кровью заливаётся от скуки. Мы живем в 13-ти верстах от города Вазы, а Ваза есть город, вымазанный красной краской... и более ничего»².

Однако почти сразу после окончания войны в русской литературе, сначала в жанре путевых заметок и эссе, а затем и в поэзии, начал вырисовываться романтический облик Финляндии как суровой, но экзотической страны. Начало этому

¹ Батюшков К. Н. Письмо к А. Н. Оленину от 24 марта 1809 г. // Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886. Т. 3. С. 26.

² Батюшков К. Н. Письмо к Н. И. Гнедичу от 25 декабря 1808 г. // Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886. Т. 3. С. 24.

романтическому дискурсу положил тот же К. Н. Батюшков, сразу после окончания войны опубликовавший эссе «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии»³, которое стало и его первым опытом в прозе. Сравнение писем Батюшкова с этой зарисовкой дает уникальную возможность наблюдать, как преобразуется жизненный материал в творческой лаборатории романтика. Вместо «дикой, бесплодной пустыни», на скуку и невыразительность которой Батюшков так жаловался в письмах, перед читателем открывается экзотический край с грозной, первобытной и живописной природой. Из этого доисторического пейзажа почти совершенно исключаются одушевленные персонажи, это край первобытной дикости:

Здесь повсюду земля кажет вид опустошения и бесплодия, повсюду мрачна и угрюма. Здесь лето продолжается не более шести недель, бури и непогоды царствуют в течении девяти месяцев, осень ужасная, и самая весна нередко принимает вид мрачной осени; куда ни обратишь взоры, везде, везде встречаешь или воды, или камни. <...> Леса финляндские непроходимы; они растут на камнях. Вечное безмолвие, вечный мрак в них обитает. Деревья, сокрушенные временем или дуновением бури, заграждают путь предприимчивому охотнику. В сей ужасной и бесплодной пустыне, в сих пространных вертепах путник слышит только резкий крик плотоядной птицы; завывания волка, ищущего добычи; падение скалы, низвергнутой рукою всесокрушающего времени...⁴

Романтический образ Финляндии просуществовал в русской литературной традиции до середины XIX в., найдя свое выражение в произведениях Батюшкова, Баратынского и Одоевского. Однако и после замещения его в «большой» литературе и журналистике новыми стереотипами, этот романтический образ надолго сохранился как некий рекламный штамп, в том числе в путеводителях по краю.

³ *Батюшков К. Н.* Отрывок из писем русского офицера о Финляндии // Батюшков К. Н. *Опыты в стихах и прозе* / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. С. 95–103. Эссе Батюшкова, написанное в 1809 г., появилось впервые в № 8 «Вестника Европы» за 1810 г.

⁴ Там же. С. 95–96.

К середине XIX в. в русских изданиях появилось еще несколько описаний Финляндии. К этому времени сменились эстетические и идейные приоритеты, и заметки о Финляндии «встроились» в эту новую систему координат. Середина XIX столетия была эпохой оформления национальных движений, формирования наций, поиска идентичности. Все эти процессы потребовали обращения к «истокам», поисков национальных корней, приводивших чаще всего к крестьянству как их «исконному» носителю. Середина и вторая половина XIX в. — это эпоха «народолюбия», интереса к народному искусству, фольклору, быту. Это не могло не сказаться и на путевых заметках и эссе о Финляндии, авторы которых, в отличие от Батюшкова, «обнаруживают» и описывают финский народ. Финны в произведениях этого времени — дети природы, которых отличает непритязательная простота и которые находятся в полной гармонии с окружающим их миром. Наиболее ярко запечатлелся такой образ финнов в эссе Якова Грота о Финляндии и повести В. Ф. Одоевского «Саламандра».

В предисловии к «Саламандре» Одоевский так представляет русскому читателю финнов:

О финнах нельзя судить, не проникнувши внутрь их страны и не познакомясь с их семейным бытом. Врожденная страсть к чудесному соединяется в них с сильным поэтическим элементом и с полудикою привязанностью к своей земле. Вообще финны добры, терпеливы, покорны властям, привязаны к своим обязанностям, но недоверчивы и столько хитры, что, увидев незнакомца, до случая умеют притворяться, будто его не понимают; однажды раздраженные, они не знают пределов своей мстительности. Они живут не в селениях, но уединенно в хижинах, разбросанных между гранитных скал; редко сообщаются не только с другими людьми, но и между собою; оттого известия о всем происходящем в мире до них доходят в виде искаженных слухов; в каждой хижине этот слух дополняется каким-либо чудесным рассказом (ибо финны большие рассказчики), и так мало-помалу происходит, вчера случившееся, у них обращается в баснословное предание: явление любопытное, объясняющее до некоторой степени, каким образом образовались древние мифы. Вообще фин-

нов можно назвать народом древности, перенесенным в нашу эпоху⁵.

Аналогичный портрет финнов рисует в своих очерках Яков Грот: это энергичные, решительные и мужественные люди, на редкость терпеливые, честные и верные данному слову. Они страстно привязаны к своей родине и сострадательны по отношению к ближним, гостеприимны. Финны недоверчивы к иноплеменникам, скрытны и молчаливы, но справедливы, отзывчивы на доброе отношение. Грот целиком соглашается с описанием финского характера, данным профессором Финляндского университета Валениусом:

<...> народ суровый, бедный, терпеливый в трудах, привыкший довольствоваться малым, гостеприимный, простой в своих нравах, сильно привязанный к вере, к уставам и обычаям предков, свято почитающий закон и правосудие, храбрый, твердый, преданный повелителям, готовый на все, ради веры и отечества, упорный, мнительный, опасющийся быть предметом презрения или порицания, но воздающий любовью за любовь, кроткий, податливый, смиренный и чуждый всяких смятений⁶.

Итак, к середине XIX в. в немногочисленных путевых заметках, очерках и других произведениях о Финляндии сформировался образ страны, обладающей дикой первобытной природой и населенной простым, бедным, честным и кротким народом. Благожелательное, слегка покровительственное отношение к Финляндии и финнам было преобладающим, и это вполне объяснимо: на фоне многочисленных проблемных регионов тогдашней России Великое княжество демонстрировало лояльность и дисциплинированность, являло отрядный для власти пример мирной «окраины». Кроме того, образ бедной, слабо развитой финской провинции был весьма удобен для выстраивания цивилизаторского дискурса метрополии: Финляндия представляла как страна, нуждавшаяся в насаждении

⁵ *Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2: Повести. С. 141–219.

⁶ *Грот К.* О финнах и их народной поэзии // *Современник*. 1840. Т. 19. С. 11.

«большой культуры». Этот дискурс традиционно являлся для любой империи лучшим оправданием имперских амбиций.

Ситуация стала меняться в эпоху царствования Александра II, в период, когда началось энергичное движение Финляндии по пути модернизации. Созыв финляндского сейма 6 сентября 1863 г., осуществление ряда экономических реформ, приведших к росту промышленности, либерализации экономики и обновлению сельского хозяйства, целый пакет просветительских проектов — все эти мероприятия в целом обусловили серьезные изменения в финском обществе.

Изменение социально-экономической ситуации в стране совпало с появлением и ростом массового туризма в Европе и России. Появление свободного времени для путешествий, рост скоростей передвижений, облегчение паспортного режима в России, оформление индустрии массового туризма, мода на лечение на зарубежных курортах — все эти обстоятельства привели к тому, что состоятельные россияне стали чаще путешествовать по Западной Европе. Финское направление русского туризма поначалу ограничивалось короткими поездками петербуржцев на водопад Иматра и в Выборг⁷, однако стремительный рост финской экономики после Крымской войны изменил ситуацию. В 1856 г. было завершено строительство Сайменского канала, который с течением времени стал одним из популярных туристских маршрутов наряду с Ладожским озером.

Именно с этой новой ситуацией было связано появление первого русского путеводителя по Финляндии, изданного в Петербурге в 1862 г.⁸ Путеводитель ориентировался главным образом на водные маршруты (предлагалось четыре варианта) и содержал информацию в алфавитном порядке о наиболее интересных населенных пунктах Финляндии. Последняя часть путеводителя представляла собой справочник по грам-

⁷ *Hirn S. Suomi matkailumaana vuoteen 1887 // Hirn S., Markkanen E. Tuhansien järvien maa. Suomen matkailun historia. Jyväskylä, 1987. S. 79.*

⁸ Путеводитель по Финляндии. СПб., 1862.

матике и фонетике финского языка, небольшой словарь и разговорник. Что касается представленной авторами путеводителя общей картины Финляндии, то она выдержана в совершенно благожелательном духе, столь характерном для начального периода правления Александра II.

В этом путеводителе Финляндия предстает патриархальной, но ухоженной страной, в которой живут трудолюбивые и честные люди. Все сформировавшиеся до того времени в России стереотипные представления о Финляндии нашли в первом путеводителе свое отражение. Так, по романтическому дискурсу нам знакома характеристика финской природы как «дикой и оригинальной»⁹. Описывая памятник Вяйнемейнену, стоящий в ущелье в Выборгском саду Монрепо, автор путеводителя сообщает: «Здесь в малом виде вся Финляндия, с ее мрачной поэзией!»¹⁰

Из сочинений 1830–40-х гг. позаимствован образ честного, трудолюбивого и чистоплотного финна, который вплоть до 1917 г. прочно утвердился в литературе о Финляндии. Правда, этот образ постепенно модифицируется: если Одоевский и Грот рассказывали о простых, бедных и кротких людях, то газеты 1860-х гг., как и первый путеводитель по краю, начинают обращать внимание на грамотность и культурность финнов. Рисуя трогательный образ финна, любящего сидеть в «народном кресле» — кресле-качалке, автор путеводителя присовокупляет: «Это любимейшая мебель всякого финляндца, в которой он с своей неразлучной трубкой проводит долгие часы за думою, или книгою. Все простолюдины в Финляндии, кроме старо-финских, грамотны и любят читать»¹¹.

Начиная с 1860-х гг. формируется, прежде всего в либеральной прессе, новый «образ Финляндии». Этот процесс был связан с общественной ситуацией в самой России, становлением либерального движения с его стремлением к конституционной монархии, новыми надеждами и чаяниями российского обще-

⁹ Там же. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же. С. 3.

ства. Нарождавшееся либеральное движение нуждалось в модели для подражания, и в качестве такой модели были использованы развитые западные страны с их модернизированной экономикой, демократическими формами правления, просвещенностью народа и основами гражданского общества. Быстро развивавшаяся Финляндия стала внутриимперским «Западом», ближней Европой. В описаниях Финляндии, в газетных и журнальных материалах о ней на первый план выходят «существеннейшие черты европейской цивилизации», которые, по мнению авторов публикаций, были свойственны Великому княжеству. Либеральная газета «Голос» с восторгом писала о возникающем в Финляндии гражданском обществе, об уважении к личности и правовом сознании финляндцев¹².

Таким образом, из почти первобытного края с дикой природой и патриархальным населением Финляндия превращается в глазах российских либералов в некую модель европейского государства. И хотя путеводитель 1862 г. далек еще от того, чтобы показать эту модель во всей целостности и совершенстве, многочисленные проявления «европейскости» он неоднократно отмечает. Как и в последующих путеводителях и путевых заметках о Финляндии, здесь автор постоянно имеет в подсознании российскую действительность и обращает внимание на те черты Финляндии, которые выгодно отличают ее от метрополии. Например, он хвалит финские дороги, явно помня о российских, которые были в то время (как в большой степени и сейчас) одной из главных проблем страны: «Дороги по всей Финляндии, за исключением некоторых, весьма немногих участков, — более чем превосходны; они содержатся в удивительном порядке...»¹³. С восторгом автор путеводителя отмечает, что содержатели почтовых станций обязаны иметь качественный и недорогие (по установленной правительством таксе) съестные припасы (явно памятуя о качестве и стоимости отечественных блюд).

¹² Голос. 1865. № 321. С. 2; № 287. С. 1.

¹³ Путеводитель по Финляндии. СПб., 1862. С. 2.

Атмосфера Александровского времени с его модернизационным пафосом остро ощущается на страницах путеводителя. Автора явно увлекает все новое и свежее, привлекают материальные приметы развивающегося общества. В каждом из крупных городов Финляндии он отмечает «красивые» здания, которые, например, в Або (Турку) «содержатся в удивительном порядке и изумительной чистоте»; Эспланада в Гельсингфорсе (Хельсинки) «застроена прекрасными зданиями», и в городе вообще нет бедных и «худо обстроенных» частей, город весь «красив и блестящ». Напротив, автора совсем не привлекают старинные деревянные города Финляндии, такие как Борго (Порвоо), Ловиза (Ловииса) или Раума. Эти городки с их традиционными по архитектуре и окраске домами и узкими улицами, считающиеся ныне одними из наиболее привлекательных туристических достопримечательностей страны, вызывают у автора неприкрытое раздражение: они являются символами старой, бедной и патриархальной Финляндии! О Борго путеводитель отзывается с прямо-таки глубокой неприязнью: город «замечателен своею древностью и некрасивостью. <...> Улицы города, как и дорога к нему — кривы, извилисты и узки. Архитектура всех городских зданий, с их неправильностями и сплошным красным цветом стен и крыш, неприятны в высшей степени для глаза»¹⁴. Наружность Ловизы «ниже посредственности: улицы узки, кривы и вдобавок пусты»¹⁵. Раума «ничего примечательного не имеет»¹⁶.

Вообще специфическое отношение автора путеводителя к истории Финляндии заслуживает упоминания. Он с удовольствием рассказывает, например, о целом ряде исторических событий периодов шведского и начала русского владычества (католизация Финляндии, история Выборга, русско-шведские войны XVIII в., сейм в Порвоо), однако совершенно отказывается сообщать что-либо о недавних трагических событиях периода Крымской войны. Это тем более удивительно, что

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 72.

¹⁶ Там же. С. 85.

в проходивших на территории Финляндии в 1854–55 гг. битвах с англичанами и французами участвовала русская армия, они широко освещались в русской прессе, а роль финнов в войне получила очень высокую оценку самого царя. Тем не менее, для автора путеводителя Крымской войны как будто не бывало! Так, описывая находившуюся на западе Аландских островов крепость Бомарзунд, «постройки которой удивляли всех своею прочностью, массивностью и гигантскими формами»¹⁷, автор оставляет читателя в неведении, что крепость и город Бомарзунд были построены русскими военными архитекторами, и находившийся в ней русский гарнизон героически сопротивлялся восьмидневной осаде франко-английской флотилии. Захваченный в августе 1854 г., Бомарзунд был разрушен, и в годы написания путеводителя представлял собою руины. Точно так же, описывая крепость Свеаборг и восторгаясь ее красотой, путеводитель не сообщает ни слова об ураганном обстреле, которому она была подвергнута всего семь лет назад, 7–17 августа 1855 г. Можно было бы предположить, что автора путеводителя вообще не интересовала недавняя история, если бы не включение в книгу, например, подробного описания истории строительства Сайменского канала. Скорее всего, автор просто решил не заострять внимания читателя на недавних трагических событиях, проигнорировав тем самым возможность показать единение финнов и русских в борьбе против общего противника. Противостояние метрополии и Великого княжества еще не оформилось, и обращаться к столь выразительным знаковым событиям общей истории не было необходимости.

Типичной чертой времени является и довольно смутное представление автора о статусе Финляндии внутри Российской империи. В этот период вопрос о статусе не вышел еще на политическую авансцену, ибо российско-финляндское противостояние, оформившееся к 1880-м гг., было еще в зачаточном состоянии. С течением времени, когда финский национальный проект стал вызывать все больше неудовольствия

¹⁷ Там же. С. 16.

в имперских властных и консервативных кругах и возник затяжной спор по вопросу о т.н. «персональной унии»¹⁸, определение статуса Финляндии стало требовать большей точности. Но для автора путеводителя в 1862 г. этот вопрос еще не стоял, поэтому в тексте царит разнობой. Часто Финляндия называется страной, подчеркивается ее обособленность от России, рассказывается о российско-финляндской торговле и т.п. Повествуя о сейме 1808 г. в Порвоо и о принесении представителями сословий присяги Александру I, автор отмечает, что именно тогда окончательно и бесповоротно утвердилось «присоединение этой страны к России»¹⁹. Описывая лавки и магазины города Або, автор сообщает, что в книжных лавках можно найти «даже русские книги»²⁰. При этом в других местах путеводителя Финляндия явно характеризуется как часть России (Таммерфорс — «единственный город в России, построенный на рубеже двух губерний...»²¹). В целом же разнობой в определении статуса Великого княжества очень характерен для своего времени — он действительно отличался неопределенностью, но в эпоху Александра II на эту неопределенность смотрели сквозь пальцы.

Итак, путеводитель 1862 г., ставший первым в этом жанре описанием Великого княжества, соединил на своих страницах старые и нарождающиеся новые черты образа Финляндии. С одной стороны, он обобщил и аккумулировал все выработанные уже к тому времени стереотипы — это и романтическая дикая природа, и трудолюбивый, простой и кроткий народ. С другой стороны, этот текст вобрал в себя все появившиеся в либеральной прессе царствования Александра II характеристики Финляндии как внутриимперской «Европы». Здесь и картины модернизирующейся, ухоженной страны, и культурность, грамотность населения, и бурная экономиче-

¹⁸ См. об этом, напр.: *Jussila O.* Suomen historian suuret myytit. Helsinki, 2007.

¹⁹ Путеводитель по Финляндии. СПб., 1862. С. 17.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Там же. С. 100.

ская жизнь. В целом же автор путеводителя стремился оставаться в рамках жанра, создавая объективный, нейтральный, в меру доброжелательный текст, в котором если что-то и становится объектом критики, так только патриархальные деревянные финские городки, портящие всю ту жизнеутверждающую картину, которую являла собой модернизирующаяся Финляндия.

В 1870 г. был завершен отрезок железнодорожного пути между Петербургом и Рийхимяки, и железнодорожная линия соединила Россию и Финляндию. Путь на поезде из Петербурга в Хельсинки занимал теперь 12 часов 45 минут, и поезда ходили ежедневно. Это обстоятельство сыграло решающую роль в развитии туризма: за неполных 15 лет число приезжих из России в Финляндию выросло почти в два раза (в 1872 г. — более 50 тысяч человек, в 1885 г. — почти 90 000)²². Рост посещаемости Финляндии русскими совпал с развитием туризма как индустрии по всей Европе и с совершенствованием жанра путеводителя (первые путеводители фирмы Бедекер появились в Германии в конце 1820 – начале 1830-х гг., и с этого времени жанр неуклонно развивался).

К началу второго десятилетия XX в. существовало уже около двадцати путеводителей по Финляндии, отличавшихся друг от друга по маршрутам поездок (общие путеводители по Финляндии, путеводители по Гельсингфорсу, по Або, по водным маршрутам, и т.д.), объемом информации, а также, конечно, структурно и стилистически²³. Были путеводители,

²² *Hirn S. C.* 101.

²³ Например: *Паландер Э.* Путеводитель по Гельсингфорсу. Гельсингфорс, 1873; *Пауль А.* Путеводитель по Гельсингфорсу. [1908]; Путеводитель по Гельсингфорсу. *Helsingin nimikirja OY*, 1914; Путеводитель по г. Або. Або: Изд. пароходного акц-го об-ва «Буре», 1915; Путеводитель по живописным и наиболее доступным местностям Финляндии: Петербург – Иматра – Вуоксенниска – Нейшлот – Пункахарью, на пароходах «Иматра I» и «Иматра II». Гельсингфорс, 1914; Путеводитель по Финляндии. 2-е изд. / Ред. Карелин. СПб.: Новое время, 1913.; *Гренгаген К. В.* Путеводитель по Гельсингфорсу. Изд. финлянд. об-вом туристов.

включавшие в себя исключительно полезную информацию: расписания, цены, гостиницы, рестораны, кафе, библиотеки, банки, государственные учреждения и т.п. Однако подавляющее большинство путеводителей, изданных в Финляндии или на деньги финских туристских компаний и обществ, имели более серьезную сверхзадачу — они должны были нарисовать привлекательный облик развитой, благоустроенной, европейской страны, опередившей метрополию в своем развитии и в этом качестве представляющей собою весьма заманчивый объект для туриста. Конечно, главной задачей для финских путеводителей была реклама — однако, как правило, объем и тематика положительных характеристик финляндской жизни далеко выходили за рамки жанра.

Пафос финских путеводителей объясняется просто: к концу XIX в. финская государственность (в пределах автономии) почти оформилась, завершилось и формирование финской нации. Финляндия далеко обогнала метрополию в экономическом и социальном отношении, по уровню просвещенности народа и степени формирования гражданского общества. Финская национальная идентичность была замешана на гордости за свои достижения, на остром национальном самосознании и, кроме того, на отталкивании от России и русскости. Финны гордились своими успехами и опасались, что могущественная метрополия покусится на их свободы и независимость. Написанные финнами путеводители по Финляндии начала XX в. — это панегирики т.н. «финской модели развития», прославление блестящих итогов модернизации Великого княжества.

Так, путеводитель Акселя Пауля 1908 г. не оставляет без внимания ни одно из финских достижений. Столица Гельсингфорс, как пишет автор, «превращается в модный во всех отношениях громадный город». Описывая его красоты, он не может обойтись без превосходных степеней: «очаровательные виды», «красивый парк», «восхитительная панорама», «величественный вид на красивый Гельсингфорс и окружающие

1912; Гусев П. Великое княжество Финляндское: Путеводитель по городам, курортам и живописным местам. СПб., 1911.

шхеры»²⁴ и т.д. — подобные определения рассыпаны по всей книге. Но, пожалуй, наиболее часто встречается прилагательное «модный»: модная архитектура, модный город, по-модному обустроенные оранжереи Ботанического сада — на каждом шагу автор подчеркивает передовой, современный характер благоустройства финской столицы. Весь путеводитель пронизан ликующим чувством гордости за расцветающую страну и современный, на глазах преображающийся город.

Акселю Паулю недостаточно, однако, перечисления архитектурно-градостроительных достижений, он считает своим долгом рассказать о достижениях экономических и социальных. «Проведенная в 1882 году телефонная сеть, — сообщает он, — приняла грандиозные размеры. Пожарная часть, санитарная и призрение бедных действительно стоят выше похвалы»²⁵. Говоря о благотворительности, он приводит статистику количества благотворительных обществ и заведений, и резюмирует: «благодаря [этому] нищенство в своей настоящей нужде почти не встретишь в городе...»²⁶. Пауль рассказывает о хорошем состоянии больниц, которые обильно финансируются правительством Финляндии, описывает движение за трезвость с его историей и статистикой, в разделе «женский вопрос» подробно повествует о живом интересе к этому вопросу всех слоев общества и увеличении количества студентов²⁷. Не упускает автор и вопросов культурного развития, давая широкую характеристику, в частности, финской музыки и музыкальной жизни²⁸.

В целом путеводитель Акселя Пауля — это гимн Финляндии и ее столице. Для него даже не встает вопрос о статусе Великого княжества — он описывает Хельсинки как столицу самостоятельного государства. О существовании империи и ее правителей практически не упоминается, единственный царь,

²⁴ Пауль А. С. 6, 12, 14, 22, 33.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Там же. С. 38, 42–43.

²⁸ Там же. С. 65.

для которого сделано исключение — Александр II, «восстановитель конституционного строя в Финляндии», памятник которому стоит «среди лучшего места города, на Сенатской площади»²⁹. Настойчивое подчеркивание независимого статуса Финляндии объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего, оно основывалось на так называемой «теории унии», разработанной Лео Мехелином и обнародованной им впервые в 1886 г.³⁰ Суть теории сводилась к тому, что Россия и Финляндия находятся в союзных отношениях, и единственной связкой между ними выступает царь, являющийся Великим князем Финляндии. Эта теория имела огромное значение для формирования финской национальной идентичности, однако она же усилила и идейно-политическое противостояние между метрополией и Великим княжеством. На правую прессу и властные структуры России теория унии действовала как красная тряпка на быка. Противостояние, вызванное и рядом других причин, переросло в конфликт, и на протяжении всего царствования Николая II российская власть шла в наступление на особые права Финляндии. Этот период в финской историографии (с небольшим перерывом в годы первой революции) называется «периодами угнетения»³¹.

Несомненно, финские путеводители, рассчитанные на русского читателя, подспудно противостояли «политике угнетения» и имели своей сверхзадачей внедрить в России финскую точку зрения на статус Финляндии. Их авторы стремились показать, как расцвела маленькая автономия, управляемая собственным правительством и парламентом³², каковы преимуще-

²⁹ Там же. С. 56.

³⁰ *Mechelin L. Précis du droit du Grand-duché de Finlande. Helsingfors, 1886.*

³¹ Финская историография выделяет два периода угнетения: «первый» (1899–1904), когда генерал-губернатором края был ненавистный И. Н. Бобриков, и «второй» (1908–1917), когда уже Государственная дума стала изменять финское законодательство.

³² Самая демократичная в Европе избирательная система появилась в Финляндии в годы Первой русской революции, с 1906 г. начал работать финский парламент, избиравшийся, в отличие от рос-

ства финской независимости. Поэтому не только путеводитель Акселя Пауля, изданный в самом начале т.н. «второго периода угнетения», но и несколько последующих финских путеводителей придерживались одной и той же линии: они живописали социально-экономические успехи края и подчеркивали его статус независимого государства. В том же духе написан и путеводитель по Гельсингфорсу 1914 г.³³ Эту книгу можно было бы назвать энциклопедией достижений финского хозяйства, с такой скрупулезностью автор перечисляет все успехи края вплоть до статей расходов и сумм бюджета. В хронологическом порядке дается история благоустройства города: даты установки газового освещения, водопровода, электрического освещения, телефона и т.д. Приведем несколько цитат:

В течение двух десятилетий из средств казны было ассигновано на общественные строения 8 миллионов марок. С тех пор казна и город воздвигнули многочисленные общественные здания, а после 1870 г. предприимчивость частных лиц создала сотни более высоких и красивых каменных домов, придающих в настоящее время Гельсингфорсу облик большого европейского города³⁴.

Или:

Гельсингфорс, став сначала центром просвещения и управления страной, сделался также главным центром и в области ее торговли и промышленности. <...> С полным правом можем мы сравнивать Гельсингфорс во всех отношениях с другими столицами севера³⁵.

В начале XX в. и в России русские авторы продолжали создавать путеводители по Финляндии. Казалось бы, от этих изданий стоило бы ожидать большей взвешенности и объективности. Специфика жанра предполагает, что путеводитель должен быть сочинением максимально информативным, доброжела-

сийского, на основе прямых и всеобщих выборов, причем женщины получили право избирать и избираться.

³³ Путеводитель по Гельсингфорсу. Helsingin nimikirja OY, 1914.

³⁴ Там же. С. 9.

³⁵ Там же. С. 10.

тельным, аттрактивным, призванным привлечь внимание предполагаемых туристов к стране. Путеводитель должен быть чужд политических баталий, идеологические битвы не должны проникать на его страницы. И, тем не менее, знакомясь с русскими путеводителями начала XX в. по Финляндии, с удивлением замечаешь, что эти сочинения активно вовлечены в разгоравшийся тогда политический конфликт между метрополией и Великим княжеством. Некоторые из них, вероятно, и писались как некие декларации враждующих сторон. Прежде чем перейти к этим текстам, определим позиции этих конфликтующих политических группировок.

К концу XIX – началу XX вв. в России сформировалось несколько противоборствующих политических групп. Из легальных течений ведущими были два: консервативно-националистическое и либеральное. В числе важнейших вопросов, вокруг которых разгоралось их противостояние, был вопрос об отношении к имперским национальным регионам, и одним из наиболее спорных регионов в этот период была именно Финляндия. «Финнофобски» настроенные национал-консерваторы призывали к ограничению или отмене особых прав автономии, а либералы-«финноманы», в противовес им, отстаивали неприкосновенность особых прав Великого княжества. Дискуссия шла в прессе постоянно, то вспыхивая, то затихая, газетные и журнальные статьи подкреплялись выходом в свет специальных изданий, посвященных финляндской проблематике. Российская власть была настроена унификаторски, и к 1898 г., с назначением Н. И. Бобрикова финским генерал-губернатором, единоборство вышло на арену реальной политики. Однако убийство Бобрикова в 1904 г. и начавшаяся через год революция временно приостановили «поход на Финляндию». После первой русской революции, когда Финляндия получила новые привилегии от российской власти, но во многих случаях продемонстрировала солидарность с революционными и либеральными партиями, противостояние обеих группировок вышло на новый уровень. Принципиально новым явлением стал выход дискуссии на думскую арену, где не только сталкивались идеологии, но и творилась реальная политика. На

трибуне Третьей думы развернулась борьба по финляндскому вопросу, и теперь от того, кто победит в дискуссии, зависела действительная судьба Финляндской автономии³⁶.

К либералам в финляндском вопросе примыкали социалисты, а консерваторы выступали единым фронтом с властью, в частности — с премьер-министром П. А. Столыпиным. Оба лагеря максимально использовали прессу и публицистику, финская тема не сходила со страниц российских газет, журналов и политических брошюр. Оказывается, не избежали участия в политических баталиях и такие, по идее, аполитичные издания как путеводители. Интересно, что «политизированность» путеводителей нарастала по мере усиления политической борьбы, и это отчетливо видно в путеводителях одних и тех же авторов, переиздававшихся в 1908–1914 гг.

Так, например, путеводитель Григория Москвича о Финляндии переиздавался как минимум четыре раза, начиная с 1908 г.³⁷ И если первые издания содержат в себе нейтральную краеведческую информацию, то в четвертом, вышедшем в 1912 г. и дополненном обширным вступительным историко-краеведческим очерком, автор выходит за рамки жанра. Москвич обильно информирует читателя о многочисленных достижениях Финляндии и выступает с острой критикой русской власти и общества, покушающихся на эти достижения. Он пишет о том, что почти три четверти века русское общество не интересовалось «судьбой бедной страны, скудно одаренной природой и населенной чуждым <...> народом». Однако в 80-х гг. XIX-го века, когда этот народ добился успехов в своем развитии — патриоты в кавычках, «при общей измене

³⁶ См. об этом подробнее, например: *Витухновская М. А.* Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков // Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России. Сб. ст. / Ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. В. Новгород, 2004, С. 89–142.

³⁷ *Москвич Г.* Практический путеводитель по Финляндии. 1-е изд. Одесса, 1908; *Он же.* Иллюстрированный практический путеводитель по Финляндии. 2-е изд. Одесса, 1909; 4-е изд. СПб., 1912.

политического курса в России», начали наступление на него. Москвич с негодованием осуждает «репрессивную политику нашего правительства»³⁸.

Такая резкая политизация путеводителя именно в 1912 г. легко объясняется, если мы вспомним, что наиболее острые дискуссии по финскому вопросу проходили в Третьей Думе и, соответственно, в российской прессе в 1908, 1910 и 1911 гг. Особенно напряженной была дискуссия 1910 г., в результате которой финский сенат потерял право решать самостоятельно многие вопросы, касавшиеся автономии³⁹. В Третьей Думе преобладали правые, поэтому все три раза защищавшие особые права Финляндии либералы и социалисты оставались в меньшинстве. Наступление правых и власти на Финляндию вызвало резкий протест либерально настроенной части русского общества, что и нашло выражение, в том числе, и в изменении тональности текстов путеводителей.

Подобная эволюция происходила и с несколько раз переиздававшимся путеводителем, автором которого был один из активнейших защитников Финляндской автономии, редактор газеты «Финляндия» и, вероятно, агент Лео Мехелина в России, П. Гусев⁴⁰. Его путеводители были и до того более чем благосклонны к Финляндии, но в 1911 г. он выпустил в форме путеводителя развернутый трактат в защиту Великого княже-

³⁸ Москвич Г. Иллюстрированный... 1912. С. 6–11.

³⁹ Это обсуждение имело место с 21 по 28 мая 1910 г. и было посвящено законопроекту о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. Третий раз финские проблемы стали предметом думской дискуссии с 28 октября по 5 декабря 1911 г. — обсуждались законопроекты о производстве финляндской казной платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной воинской повинности, а также об уравнивании в правах с финляндцами других русских подданных. В ходе финляндских дискуссий дважды — в 1908 и 1910 гг. — выступал премьер-министр П. А. Столыпин.

⁴⁰ В Национальном архиве Финляндии нами обнаружены письма Гусева к Мехелину.

ства⁴¹. Гусев насытил свой текст таким количеством историко-политических отступлений, что жанр его произведения стал трудно определимым.

Не дремала и противоположная сторона, хотя ее выступления и не были столь массированными. Очевидно, набиравшая силу профинская кампания вызвала резкое недовольство в стане противников Финляндии, и чуть позже гусевского путеводителя и одновременно с четвертым изданием сочинения Москвича в издательстве ведущей правой газеты «Новое время» вышел в свет путеводитель антифинской направленности. Редактором его был некто Карелин, и он был напечатан в типографии главного редактора «Нового времени», известного правого деятеля А. С. Суворина⁴².

Сопоставление гусевского и карелинского изданий дает весьма выразительную картину. Оба путеводителя обращаются к достопримечательностям Финляндии лишь для того, чтобы получить повод для развернутых историко-политических деклараций. Каждое из этих изданий дает свой портрет Финляндии. Гусев восторженно рисует широкую картину финляндского процветания, а путеводитель под редакцией Карелина переполнен экскурсами, рассказывающими о нелояльности финнов и их неблагодарном отношении к метрополии. Карелинский путеводитель, конечно, не мог совсем избежать разговора об успехах Финляндии или положительной характеристике края (это было бы крайне странно для произведения такого жанра), но каждая скупая похвала сопровождается критическим комментарием.

⁴¹ Гусев П. Практический путеводитель по городам, курортам и живописным местам Финляндии. СПб., <б. г.>; Ibid., 1908; Гусев П. Великое княжество Финляндское: Путеводитель по городам, курортам и живописным местам. СПб., 1911.

⁴² Гусев П. Великое княжество Финляндское: Путеводитель по городам, курортам и живописным местам. СПб., 1911; Путеводитель по Финляндии. 2-е изд. / Ред. Карелин. СПб.: Новое время, 1913.

Например, во вступлении автор констатирует, что Финляндия привлекает тысячи российских туристов, но считает своим долгом напомнить гостю страны, что «культурная внешность» городов Финляндии есть результат исключительно благоприятных для страны исторических условий, о чем «не следует забывать, <...> когда придется мысленно провести параллель между финляндскою и русскою жизнью»⁴³. Под благоприятными условиями понимались, прежде всего, данные Россией привилегии. Гусев в предисловии также констатирует, что «Финляндия последнее время привлекает к себе все большее и большее внимание цивилизованного мира», но объясняет успехи страны «железным характером ее народа, завоевавшего себе трудоспособностью, честностью, культурностью и правосознанием сочувствие просвещенных наций...»⁴⁴. Обе концепции проясняются уже на первых страницах: карелинский текст пронизан идеей об основополагающей роли России в финских успехах, а Гусев стремится показать, что главная причина расцвета страны — ее автономия, самоуправление и трудолюбие народа.

В соответствии с концепцией текста «Нового времени», большая часть его исторического обзора посвящена прозябанию Финляндии в шведский период («Швеция зачастую бросала Финляндию на произвол судьбы») и благотворному влиянию присоединения ее к России («и с того времени население Финляндии впервые могло вздохнуть свободною грудью») ⁴⁵. «Под покровом матери России» даже население страны выросло в два с половиной раза. И, в соответствии с этой логикой, изменение к худшему отношения финнов к России в начале XX в. пагубно отразилось даже на их нравственности — «обыденным явлением стали грабежи, убийства и др. преступления»⁴⁶.

⁴³ Путеводитель... 1913. С. 2.

⁴⁴ Гусев П. Великое княжество Финляндское... СПб., 1911. С. 5.

⁴⁵ Путеводитель... 1913. С. 25.

⁴⁶ Там же. С. 29.

Гусевский путеводитель рисует диаметрально противоположную картину. Его исторический обзор начинается с Боргосского сейма, после которого Финляндия оформилась как государство («зажила новой государственной жизнью»). Успехи края объясняются как этим обстоятельством, так и в еще большей степени набором положительных качеств финского национального характера. Гусев не скупится на похвалы финнам, не допуская даже тени критики; в его интерпретации жители Финляндии являют собою некие идеальные существа. Вот несколько фрагментов:

— «...нравственная чистоплотность финна — его неподкупность, честность, вежливость, предупредительность <...> и в то же время какое-то особое уважение к себе и сознание честно исполняемого им долга...».

— «Непоколебимая честность это основная и общая черта всего народа Финляндии».

— «Честность у финна идет рука об руку с редким трудолюбием, настойчивостью и терпением. Твердость же характера этого народа поистине изумительна».

— «...таким нравственным совершенством он обязан лишь своему образованию, широкой рекой разлившимся по всей Финляндии».

— Финны могут показаться упрямыми — но «узайте его ближе, и вы увидите, что кажущимся упрямством была лишь похвальная твердость во взглядах, принципах и чувствах».

— У финнов замечательно развито чувство законности. «Тут ни они нас, ни мы их понять не можем. Мы привыкли, чтобы с нами обращались, как кому заблагорассудится, и сами потому же стараемся приноровиться, изловчиться <...> Финляндец этого не понимает, и тем более не принимает. Для него, как для паровоза по рельсам, движение жизни может быть только по закону»⁴⁷.

Как это было принято и в других либеральных изданиях, писавших о Финляндии, ее достоинства рассматривались на фоне российских недостатков, как бы оттенялись ими. Положение России глубоко не удовлетворяло либеральных авторов, и поэтому они стремились нарисовать некий идеал, на кото-

⁴⁷ Гусев П. Указ. соч. С. 13–17.

рый империя должна была быть ориентирована. Финляндия, избранная ими в качестве этого идеала, теряла в их глазах свои реальные черты и превращалась в идеальное утопическое государство — своего рода «Город солнца», не имеющий ни одного темного пятна. Этот взгляд на страну прослеживается во многих сочинениях начала XX в., и его точным воплощением является путеводитель Гусева. Он, например, пишет: «Все, что попадает в Финляндии путешественнику на глаза, производит хорошее впечатление. Благообразны города. Планомерно построены. Хорошо вымощены. Украшены домами художественной архитектуры. С прекрасными памятниками. В домах — чистота, уютность. Люди одеты чисто, опрятно...» и т.д.

Путеводители Карелина и Гусева интересны в сопоставлении — они как бы ведут между собою нескончаемый спор. Если нововременский текст утверждает, что Александр I смотрел на Финляндию «как на свою провинцию и не считал ее инородческим государством»⁴⁸, то Гусев настаивает: ««Финляндия есть государство, а не губерния»», говорит во всеподданнейшем отчете 11 февраля 1811 года ближайший помощник императора по финским делам Сперанский, и этот взгляд разделялся и до сего времени разделяется серьезными учеными...»⁴⁹. Когда речь заходит о железных дорогах Финляндии, то текст Карелина подчеркивает, что такая обширная сеть железных дорог, «во многих частях бездоходных», не могла бы возникнуть, если бы не освобождение Финляндии «от целого ряда общегосударственных расходов». При этом состояние финского железнодорожного хозяйства характеризуется как нехорошее⁵⁰. Гусев, со своей стороны, пишет целый раздел «Финляндские железные дороги», в котором, ссылаясь на экономиста профессора Чупрова, превозносит дешевизну финского железнодорожного строительства (оно обходится втрое де-

⁴⁸ Путеводитель... 1913. С. 47.

⁴⁹ Гусев П. Указ. соч. С. 10.

⁵⁰ Путеводитель... 1913. С. 61.

шевле, чем строительство русских железных дорог) и образцовое ведение железнодорожного хозяйства⁵¹.

Какой бы город или достопримечательность ни характеризовались в данных путеводителях, какой бы вопрос ни затрагивался — их позиции диаметрально расходятся. Идет речь о школьной системе Финляндии — Гусев готов восторженно хвалить широкое распространение школьного образования, прекрасные школьные здания и свободную систему школьного обучения: детей «не заморивают муштрою, не запугивают, не стараются с ребячьего возраста заготовить трусливых и вялых рабов»⁵². Со своей стороны, путеводитель Карелина совсем не интересуется достижениями финской школы, а озабочен положением русского языка в школах и гимназиях Финляндии, где «русский язык, по возможности, игнорируется», а между тем, «язык — духовное знамя России», и «интересы государства требуют, чтобы на всем пространстве Российской империи правительство говорило одним языком»⁵³. Сталкиваются путеводители и при характеристике университета, который в Карелинском тексте выглядит как гнездо бунтовщиков («в его истории последнее время политика преобладает над наукой»)⁵⁴, а в Гусевском путеводителе характеризуется как выдающийся научный центр с образцовым устройством (дается подробная информация о нагрузке преподавателей, их жалованье, количестве студентов и т.п.)⁵⁵. Интересно, что оба автора в пылу полемики забывают об архитектуре и истории строительства Хельсинкского университета, одного из красивейших зданий столицы.

Сопоставление путеводителей можно продолжать бесконечно. Например, оба текста останавливают внимание читателя на памятнике поэту Рунебергу. Нововременский путеводитель характеризует Рунеберга как крайнего националиста,

⁵¹ Гусев П. Указ. соч. С. 46.

⁵² Там же. С. 17–18.

⁵³ Путеводитель... 1913. С. 186.

⁵⁴ Там же. С. 224.

⁵⁵ Гусев П. Указ. соч. С. 159.

«воспевающего воинственный патриотизм», и отмечает, что «по пути, намеченному Рунебергом, финны никогда не сойдутся с нами...»⁵⁶. Гусев же пишет о том, что Рунеберг — величайший поэт Финляндии — «никогда не возбуждал партийных вопросов...»⁵⁷. Шведский театр дает карелинскому путеводителю повод страстно осудить «пристрастие финской интеллигенции к антирусским политическим демонстрациям»⁵⁸, а Гусев вяло характеризует его труппу и хороший ресторан. И так — по каждому пункту следования туристического маршрута.

Таким образом, эволюция русских путеводителей по Финляндии ко «второму периоду угнетения» завершилась их выходом за рамки жанра: они перестали отвечать своему непосредственному назначению и превратились из пособий для туристов в идеологическое оружие. Ожесточенные идейные баталии требовали все новых средств, и такие возможности были обнаружены в, казалось бы, самом непригодном для политических сражений жанре. Путеводитель стал выполнять несвойственные ему функции, сражаясь *за* или *против* Финляндской автономии и независимости. Нам думается, что эта неожиданная эволюция мирного жанра путеводителя наглядно показывает всю степень политизации российского общества предреволюционного периода, всю непримиримость противостоящих друг другу политических групп. Прошло немного времени — и политические страсти со страниц газет, брошюр, книг и путеводителей хлынули в реальную жизнь.

⁵⁶ Путеводитель ... 1913. С. 196.

⁵⁷ Гусев П. Указ. соч. С. 146.

⁵⁸ Путеводитель ... 1913. С. 194.